



ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 9
volume 9**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1997**

К проблеме соотношения литературного арабского языка и диалектов (на материале коранических цитат в словаре Йусуфа ал-Магриби)

О. Б. Фролова

Санкт-Петербургский государственный университет

Нет необходимости говорить о значении знаменитого «Словаря простонародья», другими словами — «Словаря египетского диалекта» Йусуфа ал-Магриби (ум. в 1611 г.), сохраненного в уникальной рукописи из коллекции Шейха Тантави, находящейся в Восточном отделе Научной библиотеки Петербургского университета. Известно, что причиной составления этого Словаря было стремление его автора доказать, что речь египтян, египетский диалект — это «настоящий арабский язык или близкий к тому»¹. Йусуф ал-Магриби выступал «поборником народного языка», отвергал воззрения, согласно которым диалект характеризуется как низменный и вульгарный². Естественной и весьма существенной частью его доказательств являются цитаты из Корана, в которых употреблены те же слова и обороты речи, что свойственны также и египетскому диалекту.

Так, Йусуф ал-Магриби, большой мастер сочинения песен по образцу народных (египетских маввалей), часто с большим искусством демонстрирует в них употребление в качестве рифмы одного и того же слова в разных значениях (омонимическая рифма)³. Один из его маввалей основан на рифме слова *furqān*, происходящего из арамейского языка и обозначающего в нем «освобождение, искупление», в арабском же приобретшего значения: «Коран», «священное писание», «доказательство», «различение добра и зла», а также, как указывает Йусуф ал-Магриби, «милость», «победа», «утро», «расступление моря», «сражение при Бедре»:

al-Muṣṭafā-l-badru ā'tahu-l-ilāh furqān
furqāne rabbu-l-warā 'anzal lahū furqān
lā zāla bi-n-naṣre wa-l-burhān humā furqān*
furqān li-Mūsā-w-lahū yom Badre hū furqān⁴

* При транскрибировании в данной статье текстов из Словаря Йусуфа ал-Магриби наблюдаются некоторые отклонения от принятой по европейским правилам передачи арабских букв, что связано с попыткой показать диалектные особенности языка автора.

Избранному, полному месяцу даровал бог Коран.

Утром господь людей ниспослал ему сражение при Бедре,

Оно не перестает быть победой и доказательством, что и есть милость.

Расступление моря для Моисея, а для него день при Бедре — это торжество.

При пояснении слова *furqān* привлечены слова Корана — *وَالْفُرْقَانِ* (сура 2, стих 53) — «И вот мы даровали Мусе писание и различие».

Составляя маввали, Йусуф ал-Магриби привлекает и другие народные поэтические жанры, где употреблены слова из Корана, приводит коранические цитаты в других случаях.

При объяснении слов *sāq* — «голень, нога», «вести», *sāqa* — «тыл, арьергард» и диалектного выражения «*fulān yissawwaq ishsherr*» — «некто торгует злом, некто распространяет зло» приводятся цитаты из Корана — *يَوْمَ يُكْشَفُ عَنْ سَاقٍ* «в тот день, когда откроются голени» (68; 42), *أَلَتَقَبَتِ السَّاقُ بِالسَّاقِ* «и сойдется голень с голенью» (75; 28) и мавваль:

Husnu-l-ḥabīb shāqanī wi-sh-shawqu qad sāquh
qabbaltu rigluh mina-l-ashwāqi bal sāquh
wi lā'imi fih mu'aḥḥar dāma fī sāquh
maḥqūr(e) maḍrūb(e) man qad shāhaduh sāquh ⁵

Красота любимого пленила меня, и страсть ведет к нему.

Я поцеловал его ногу из-за любви, вернее его голень.

И порицающий меня из-за него опоздал, долго он волочил свои ноги.

Жалки, перебиты у того, кто увидел его, ноги (т. е. он очарован им).

На Коран Йусуф ал-Магриби ссылается, обращаясь не только к песням, но и к народным рассказам. Он, например, пишет: «Случилась со мной забавная история, когда я был с одним из друзей. Мы читали рассказ, в котором говорилось, что некий человек угощал другого и предложил ему курицу, поставив условие, что тот ничего не будет есть без подкрепления словами Корана. Взял гость тогда грудку, говоря: *وَكُنَّا مَا فِي صُؤْرِهِمْ مِنْ غُرْلٍ* — „И мы взяли то, что было у них в груди, из огорчения“ (7; 43). Потом взял он крыло, произнеся: *وَلَا طَيْرٌ يَطِيرُ بِجَنَاحَيْهِ* „и птицы, летающей на крыльях“ (6; 38). Друг мой заметил, обратившись ко мне: „А если бы он захотел съесть подливу, то что бы он произнес?“ Я сразу ответил: *وَقِيلَ مَنْ رَاقٍ* „и скажут, кто заклинатель“ (75; 27). А было это в юности и без церемоний» ⁶.

В ответе Йусуфа ал-Магриби другу наблюдается игра слов, основанная на ассимиляции звуков «п» и «г», так что в произношении вместо *maḥ qāq* — «кто заклинатель» получается *miḡḡāq* или *muḡḡāq* со значением «еретики», которое в свою очередь имеет вторую форму — *maḡaqa*, обозначающую также «подлива».

Как видим, Йусуф ал-Магриби обращается и к фонетическим особенностям чтения Корана. Например, поясняя диалектное произношение слова со значением «слюна, плевков» и приводя его фонетические

разновидности *buzāq*, *buṣāq*, он ссылается на возможность чтения коранического слова *صِرَاط* «путь» как *zirāt*, *ṣirāt* и *sirāt*⁷. Указывая на неправильное диалектное произношение слова со значением «имбирь» — *zingābīl*, он поясняет, что правильным будет *zanḡābīl*, как это в Коране (76; 16), т. е. тонко подмечает диалектное явление перехода гласного «а» в «е», а затем «е» в «i», что постоянно наблюдается в египетском диалекте также в настоящее время и с чем часто связан разноречивость в транскрипции у европейских диалектологов, дающих *elli* и *illi* — «который», *keda* и *kida* — «так» и т. п.

Отметим, что рассказ, подобный приведенному выше, популярен среди народа у арабов и в наши дни. Один из них передал мне в 1988 г. сын известного палестинского фольклориста Нимра Сархана — Насир Нимр Сархан, а слышал он его в Иордании. Вот этот рассказ: «Три человека решили съесть курицу и условились, что каждый, прежде чем начать трапезу, должен произнести подходящий коранический стих. Первый съел ножки, сказав: „И сойдется голень с голенью“ (75; 28), второй съел шейку, продекламировав: „Отпустить [шею] раба“ (90; 13), а третий не мог ничего придумать. Тогда они отложили остаток курицы в сторону и легли спать. Третий, голодный, долго не мог заснуть, наконец съел остаток курицы и только после этого заснул. Утром друзья ничего не увидели, кроме куриных косточек, и третий признался, что он съел остаток. Первые двое стали спрашивать, был ли произнесен подходящий стих. „Да, — ответил он, продекламировав: „И обошел ее обходящий от твоего Господа, а они спали (68; 19), и сделал Он ее точно нива со съеденными зернами“ (105; 5)».

Кораническими цитатами подкрепляет Йусуф ал-Магриби распространенные в египетском диалекте выражения и формы слов. Например, при словосочетании *er-ḡauyis indakk* «мастер изнурен» с пояснением «восприятие мастера уменьшилось» приводятся слова из Корана *فُكِّتْ ذِكَّةٌ وَاحِدَةٌ* «и раздроблены единым дроблением» (69; 14) и *جَعَلَهُ رُكَا* «он обратил ее в прах» (7; 143). Здесь автор Словаря отмечает, что форма *indakk* диалектная, выражающая страдательный залог, и добавляет, что правильным будет *dukka*⁸.

При выражении *fulān ḡalaq mā 'aleyh* — «некто закрыл то, что [лежало] на нем», «некто исполнил то, что от него требовалось [был верен своему долгу]», «некто исполнил должное». Йусуф ал-Магриби дает свой вариант этого словосочетания: *aḡlaga abwāba-t-ṭalabī minhu* — «он закрыл врата требуемого от него». Он приводит различные породы глагола I, II, IV — *ḡalaq*, *ḡallaq*, *aḡlaga* с одним и тем же значением, затем ссылается на Коран *وَعَلَقَتِ الْأَبْوَابُ* «и заперла она двери» (12; 23), в тексте которого II порода, однако сразу же замечает, что лучше было бы употребить IV породу⁹. Другими словами, автор Словаря указывает, что в египетском диалекте в каузативном значении по преимуществу употребляется II порода, а в литературном языке — IV, и подкрепляет равноценность диалекта литературному языку ссылкой на Коран, в котором тоже II порода вместо IV. Одновременно в этом

указании можно видеть и своеобразную критику языка Корана, его просторечных форм.

В Словаре Йусуфа ал-Магриби Коран цитируется многократно — 86 раз. Коранические цитаты, привлеченные в Словаре, свидетельствуют прежде всего о процессах демократизации в воззрениях арабского общества XVI—XVII вв. на родной язык и литературу. Общественное мнение египтян, выраженное Йусуфом ал-Магриби, уже не принимало оценки народного языка своей страны как языка низменного, грубого, искаженного, недостойного для создания на нем художественных произведений. Для доказательства своих взглядов в высокой оценке родного языка Йусуф ал-Магриби сочиняет стихотворения, подобные народным песням-маввалям, мастерски используя в них омонимическую рифму, вводя коранические слова. При цитировании Корана он указывает на фонетически допустимые диалектные нормы произношения, оправдывает кораническими цитатами и диалектные грамматические формы.

Труд Йусуфа ал-Магриби вскрывает те глубинные процессы, которые происходили в арабском обществе позднего средневековья, когда укреплялись связи письменной и устной литературы арабов, когда набирала силу тенденция к преодолению жесткой нормативности арабского классического языка. Привлечение стихов Корана служило оправданием закономерности процессов демократизации. О нарастании таких процессов свидетельствуют и другие сочинения подобного рода. Словарь Йусуфа ал-Магриби нельзя считать единственным в своем роде, как полагали его исследователи¹⁰: в XIV в. известный поэт Сафй ад-Дйн ал-Хиллй создал «Словарь ошибок» (al-Ağlāṭi)¹¹, а в XVI в. сириец Ахмад ат-Тйбй — «Полное объяснение относительно толкования того, что встречается в языке простонародья» (al-Jdāḥ at-tāmm li-bayān mā yaqa'u fi alsinat al-'awāmm). Все эти сочинения до последнего времени оставались в рукописном виде.

Таким образом коранические стихи в условиях клерикального засилия служили прогрессивным деятелям орудием для отрицания того застойного, что имело место в обществе. Вместе с тем привлечение коранических цитат являлось неоспоримым свидетельством исторической преемственности, доказательством, что диалект и литературный язык едины, что различия в них — это нечто внешнее и несущественное. Дихотомия «литературный арабский язык — диалект», как ясно, волновала арабский мир со средневековья, и Йусуф ал-Магриби искал ее решения. Его взгляды не потеряли актуальности до сих пор, и их нельзя не учитывать современным языковедам и политическим деятелям, отстаивающим точку зрения о глубоком различии литературного арабского языка и арабских диалектов.

Следует заметить, что проблема соотношения литературного языка и диалекта известна также в Европе и достаточно хорошо изучена. Так же, как и на Востоке, верхние слои общества в Европе придерживались пуристической позиции по отношению к родному языку. В настоящее же время признано, что всякий развитой национальный язык

имеет ряд существенных характеристик — это 1) наличие письменной традиции; 2) нормативность; 3) развитая система функциональных стилей, таких как: разговорный, литературно-художественный, научный, публицистический, официально-деловой. Все эти характеристики присущи и арабскому языку. Наличие диалектов только питает его богатство. Известный арабский писатель Джебран Халиль Джебран верил, что «народные говоры видоизменяются и шлифуются, их грубость стирается и смягчается, но они не побеждены и никогда не будут побеждены, да и не должны быть побеждены, потому что они источник литературной речи и родник красноречия»¹².

Примечания

1. *Йусуф ал-Магрибй*. Даф' ал-иср 'ан калām ахл Миср («Удаление бремени с речи жителей Египта») / Факсимиле рукописи. Предисл. и указ. А. С. Аввада. М., 1968. С. 21. (Далее: *Магриби*. Словарь.)
2. Там же.
3. *Фролова О. Б.* Маввали Йусуфа ал-Магриби // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник, 1975. М., 1982. С. 163—167.
4. *Магриби*. Словарь. Л. 526.
5. Там же. Л. 466.
6. Там же. Л. 55.
7. Там же. Л. 37. Стр. 7.
8. Там же. Л. 586.
9. Там же. Л. 506.
10. Там же. С. 10, 12.
11. См. также: *Hillī Ṣafīyy ad-Dīn al-*. Die Vulgärarabische Poetik-al-Kitāb al-'Āṭil al-Ḥālī wal-Muraḥḥaṣ al-Gālī / Ed. W. Hoenerbach. Wiesbaden, 1956.
12. *Джебран Х. Дж.* Будущее арабского языка // Джебран Дж. Х. Избранное / Пер. с араб. и англ. Л., 1986. С. 422.